

Р. А. Соколов, А. С. Сухорукова

Воспоминания участников событий 1917 г. как документальная основа кинофильма С. М. Эйзенштейна «Октябрь»

***Соколов Роман
Александрович***
д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

***Сухорукова Анна
Сергеевна***
канд. ист. наук, доц.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Представление о решительном штурме Зимнего дворца как об апофеозе Октябрьской революции для советской историографии на протяжении десятилетий оставалось незыблемым. В силу понятных идеологических причин поставить этот тезис под сомнение оказалось возможным только в последние годы существования Советского Союза¹. Однако и в настоящее время в обыденном представлении захват 25 октября 1917 г. последнего оплота Временного правительства зачастую выглядит именно как штурм — с атакующими прежнее резиденцию русских царей революционными солдатами и матросами. Едва ли будет ошибкой предположить, что в данном случае значительную роль сыграл снятый в 1927 г. С. М. Эйзенштейном кинофильм «Октябрь», кадры из которого (в том числе со «штурмом») и поныне иллюстрируют многие документальные фильмы о событиях того года (рабочее название картины — «Десять дней, которые потрясли мир»).

С. М. Эйзенштейн как гениальный художник не однажды заставлял зрителей путать вымысел и историческую реальность. Еще в фильме «Броненосец «Потемкин»» (1925) представленный в финальных кадрах огромный русский флот, через который с триумфом прошел мятежный корабль, выглядел на общих планах настолько натурально, что это вызвало беспокойство в немецком

рейхстаге и появление соответствующего запроса об оценке реальной силы советского флота, который мог принять участие в съемке. Хотя в реальности в фильм умелой рукой были вставлены всего лишь старые съемки маневров американских военных кораблей². Еще более характерный пример — финальная фраза главного героя ленты «Александр Невский» (1938) «Кто с мечом к нам войдет — от меча и погибнет», которая и поныне приписывается древнерусскому князю, а не сценаристу. Характерно, что немецкий историк Ф. Б. Шенк напрямую связывал судьбу этих «крылатых» слов с «исторически подлинными» съемками штурма Зимнего³.

Едва ли будет ошибкой сказать, что производство кинофильма «Октябрь» должно было соотноситься с текущим политическим моментом в наибольшей за всю карьеру С. М. Эйзенштейна степени. В частности, в литературе не однажды указывалось, что именно этим объясняется отсутствие в кадре Л. Д. Троцкого, борьба с которым в тот период вступила в завершающую стадию⁴: в 1928 г. он будет сослан в Алма-Ату, а еще через год и вовсе выдворен из страны. Судя по воспоминаниям Г. В. Александрова, И. В. Сталин накануне премьеры лично проследил, чтобы все эпизоды с участием его противника были вырезаны⁵. Однако, несмотря на такую ангажированность, изучение обстоятельств создания киноленты не только представляет большой интерес для историков кино и отечественной культуры в целом, но и, как это ни покажется странным, может дать дополнительный материал, проливающий свет на реконструкцию *реальных* событий, развернувшихся в Петрограде в октябре 1917 г. Именно на этом, как представляется, имеет смысл сделать особенный акцент.

Работая над историческими картинками, С. М. Эйзенштейн не считал возможным довольствоваться только тем материалом, который имелся под рукой. Так, перед съемками «Александра Невского» 9 февраля 1938 г. на Мосфильме состоялось расширенное заседание, в котором приняли участие ведущие историки того времени (А. В. Арциховский, Ю. В. Готье, А. А. Савич, В. Е. Сыроечковский, Н. П. Грацианский и др.)⁶. Позже они предоставили и письменные отзывы на сценарий⁷. Работа над «Октябрем» подразумевала нечто иное — обращение к сведениям, которые могли дать непосредственные участники тех драматических событий.

В ходе подготовки к 10-летию Октябрьской революции в Москве 11 июня 1926 г. была образована Комиссия ЦИК СССР по организации и проведению празднования под председательством М. И. Калинина. Непосредственную организационную работу в комиссии выполнял Н. И. Подвойский. Одним из элементов празднования юбилея и должен был стать кинофильм под рабочим названием «Десять дней, которые потрясли мир». Памятуя об огромном пропагандистском успехе фильма «Броненосец «Потемкин»», советские руководители приняли решение возложить обязанности по созданию фильма на С. М. Эйзенштейна и его ближайшего помощника Г. В. Александрова. Позднее Александров вспоминал, как его и Эйзенштейна вызвали со съемок фильма «Генеральная линия» к М. И. Калинин. Встретив их, Калинин отметил: несмотря на то что уже готовятся юбилейные фильмы («Конец Петербурга» Пудовкина, «Москва в Октябре» Барнета), именно они, авторы «Потемкина»,

должны сказать свое новое слово: «Ведь вам так хорошо удалось донести до зрителя мятежный дух девятьсот пятого года»⁸. И Калинин вручил кинематографистам книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Началась работа. Очень скоро стало ясно, что от линии, предложенной Ридом, придется отказаться из-за нехватки времени. Было решено ограничиться одним сюжетом: «Тема — революция, форма — кинопоэма, соединяющая реалистический, доведенный до иллюзии документальности показ подлинных событий с глубокой символикой тщательно отобранных деталей»⁹.

Однако упомянутая Г. В. Александровым «иллюзия документальности» не означала, разумеется, отказа от реальных исторических фактов. В частности, для помощи съемочной группе к обсуждению сценария были привлечены непосредственные участники событий 1917 г. Организовать их встречи с кинематографистами было поручено Ленинградскому отделению Истпарта¹⁰, в фонде которого и отложились материалы этих совещаний. Документы совещаний — протоколы и стенограммы заседаний-встреч — являются бесценным источником: это дополнительный и очень важный комплекс воспоминаний тех, кто в прямом смысле творил в 1917 г. историю, а также материалы, связанные с личностью и работами С. М. Эйзенштейна. В связи с этим их введение в научный оборот может представлять большой интерес.

Работать над сценарием фильма С. М. Эйзенштейн и Г. В. Александров начали еще в ноябре 1926 г., в феврале 1927 г. сценарий фильма был утвержден на заседании правления «Совкино»¹¹, а уже 11 марта съемочная группа выехала в Ленинград для проведения натуральных съемок. Буквально на следующий день, 12 марта 1927 г., по инициативе Истпарта создано совещание участников Октябрьского восстания. На этом собрании была создана специальная «Комиссия содействия по истории Красной Гвардии, Октябрьского Восстания и киноленте “10 дней, которые потрясли мир”»¹². В протоколе заседания отдельно говорилось «о необходимости проделать эту работу (съемки фильма. — Р. С., А. С.) под непосредственным идейным влиянием и контролем участников Октябрьского восстания, особо отметив героические моменты, в частности взятие Зимнего дворца»¹³. Присутствовавшие подчеркивали, что будущая «лента должна из поколения в поколение разносить миру историю, смысл и значение Октября»¹⁴. В итоге было принято решение о широком оповещении участников восстания¹⁵ через радио и газеты о необходимости «дать свои воспоминания».

Таким образом, была определена тактика проведения больших собраний, которые можно было фиксировать стенограммой, — фактически прием мозгового штурма. Альтернативой мог стать сбор отдельных воспоминаний, но это потребовало бы слишком кропотливой работы по сведению информации воедино, что было особенно трудно с учетом ограниченной (как мы покажем ниже) возможности некоторых привлеченных к обсуждению участников октябрьских событий выражать свои мысли в письменном виде. К тому же Подвойский от выступления к выступлению настаивал именно на коллективных собраниях — по его мнению, общие собрания стимулировали память, особенно у тех, кто не мог хорошо формулировать свои мысли, а также имели большое идеологическое значение — знакомили с историей революции из первых рук¹⁶.

Всего были проведены четыре общих собрания и два районных¹⁷. Больших масштабов при проведении таких встреч добиться не удалось — на них присутствовало от 20 до 60–100 чел.¹⁸ Н. И. Подвойский, практически каждый раз выступавший в качестве председательствующего, прямо сетовал на немногочисленность собраний¹⁹. 10 апреля 1927 г. на одном из собраний, которое проходило в здании парт-клуба «Коминтерн» при райкоме ВКП (б) (бывший дворец Белосельских-Белозерских, Невский пр., 41), Г. В. Александров зачитал сценарий фильма²⁰, а уже 13 апреля начались первые съемки в Ленинграде. Александров в своих воспоминаниях говорит о тесной работе с участниками восстания: вместе с ними «обошли улицы и площади, Смольный и Зимний. Так и ходили толпой в 50–100 человек»²¹. Вспоминает он и о том, что ему ежедневно приходилось вносить коррективы в сценарий, опираясь на указания участников. Но, как мы увидим далее, съемочную группу интересовали специфические эпизоды, поскольку основная канва фильма уже сложилась и проводившиеся Истпартом мероприятия по сбору информации от участников октябрьских событий не могли оказать серьезного влияния на корректировку сюжетных линий.

Съемочную группу интересовало другое: детали бытового характера, описания каких-либо примечательных личностей (типажей), забавных эпизодов и т. д. «От вас важно, главным образом, узнать детали. Скажем, например, такой случай, как обучался один старик-красногвардеец: у него каждый раз, когда он обращался с винтовкой, борода застревала в затворе. Вот, пожалуйста, побольше таких характерных деталей дайте нам для картины»²², — объясняет Александров задачу собравшимся на совещании 28 марта.

Именно бытовые моменты должны были анимировать, очеловечить революцию, приближая ее к зрителю будничными подробностями, добавляя событиям достоверности, создавая ту самую «иллюзию документальности», о которой говорил Г. В. Александров в поздних воспоминаниях. Выполняя эту задачу, Н. И. Подвойский на правах председателя также призывал сосредоточиться именно на таких бытовых подробностях. Перед каждым собранием он выступал и говорил о важности сохранения воспоминаний участников октябрьских событий 1917 г. и об огромной ответственности, которая легла и на них, и на создателей фильма «Десять дней, которые потрясли мир». «Прежде всего, кто потряс мир? — Вы потрясли, потрясли штыками, всем чем попало. А теперь что? Надо вторично потрясти мир. Чем? Советской картиной. Можно потрясти мир картиной? — Можно. Если картину сочную, правдивую, истинную подать всем трудящимся, то потрясти ею можно. Посмотрят картину того, что делали питерские рабочие, и скажут: “вот это рабочие, вот это бойцы, а я что, подлец, до сих пор не сделал того, что сделали питерские рабочие, я мещанин, я обыватель, я ни к черту не гожусь, я не похож на рабочего”. — Вот, что скажут те, кто еще не сделал нашей революции. Рабочий увидит на экране таких рабочих, какими они должны быть... Значит, такая картина действительно может потрясти в Европе, Америке всех рабочих, а в Китае и Индии, в Турции, на протяжении всего Востока, наша советская картина потрясет весь рабочий класс»²³.

При анализе воспоминаний²⁴ внимание привлекает то, что события описываются довольно одинаково и им даются одинаковые оценки. Практически

все, кто вспоминает о встрече с женским батальоном, отзываются о нем пренебрежительно: «бабенки», бабы в мужских гимнастерках. Иногда дают оценку внешности — участник собрания Феоктистов (Полкан)²⁵ говорит: «Некоторые были красивенькие, некоторые же ни к черту, ни в навоз»²⁶. Практически все вспоминали, что ударниц быстро отпустили, не причинив вреда. Но Балашев²⁷, один из участников штурма Зимнего дворца, упоминает, что, встретив сопротивление со стороны ударниц, выкидывали их из окна второго этажа, и при этом констатирует: «Вероятно они убивались насмерть, но нам некогда было смотреть»²⁸. Предлагали показать женский батальон и в комическом виде — Энтин²⁹, один из участников собрания 10 апреля, вспоминал случай, когда женщины пришли в Смольный: «Были они в мужских штанах и гимнастерках. Один матрос кричит: — что с ними делать. И получает ответ — одеть юбки распустить по домам. Дали этим женщинам юбки — они оказались коротки (смех)»³⁰.

Однако обсуждение, разумеется, касалось не только столь приземленных предметов. В фокусе внимания выступавших оказывались и гораздо более серьезные темы. Одна из них — роль В. И. Ленина в победе партии большевиков в ходе революции. И хотя Подвойский прямо предупреждал, что окончательное решение о степени присутствия фигуры Ленина в фильме будет приниматься директивным путем и что против этого выступает Н. К. Крупская³¹, данный вопрос вызвал живой интерес. Например, 10 апреля после чтения сценария Арбузова³² указала на то, что «такой момент, как приезд Ленина и встреча у Финляндского вокзала — это необходимо в картину внести»³³ (в фильм этот эпизод действительно попал). Мысль о приоритете Ленина оказалась отчасти соотнесена с идеей о необходимости показать роль Л. Д. Троцкого. Все это, конечно, связывалось с решительной борьбой, которая в 1927 г. велась против оппозиции и вот-вот должна была вступить в решающую фазу. Впрочем, об этом обстоятельстве на заседаниях прямо никто не говорил, но между строк данный сюжет легко прочитывается. Например, на той же встрече, состоявшейся 10 апреля, Павлов, спустя некоторое время после Арбузовой, вдруг начал вспоминать об успехе речей Троцкого³⁴. В его словах не было каких-либо особенных восхвалений, просто констатация факта, к тому же сообщенные им сведения были вплетены в общую канву повествования. Тем не менее даже эта в общем-то безобидная реплика вызвала довольно резкую отповедь П. Ф. Куделли³⁵: «Если говорить, кто был вдохновителем и руководителем Октябрьской революции, то мы все скажем, что это был тов[арищ] Ленин. И вот, отмечая, что Ленина в этом литературном сценарии совершенно не имеется, он имеется только в начале и вторично, когда появляется уже на Втором Съезде Советов. Это совершенно неправильно. Между тем, когда появляется спор, кто руководил революцией, мне говорят, что это Троцкий, конечно, это неверно, потому что Ленин каждую деталь, каждое выступление знал, и, следовательно, в этом выступлении мы должны дать значительно больше»³⁶. Данный выпад также не остался без ответа, пусть и очень осторожного. Выждав некоторое время, слово взял очередной оратор — Асмус³⁷. Среди прочего он заявил: «Я все-таки считаю, что тов[арища] Троцкого нельзя так затенить, как предлагает тов[арищ] Куделли. Правда, Ленин должен быть везде. Но а Троцкий разве мало сделал

для Революции, невзирая на его ошибки, я считаю нужным вывести Троцкого, правда, он сделал большую ошибку, но все-таки, если отмечают Ленина, нужно отметить и Троцкого. Меня хоть и зовут троцкистом (смех), но все-таки его нужно поместить»³⁸.

Такой выпад вызвал немедленный ответ Подвойского, который умело управлял собранием и дипломатично ушел от дискуссии. Взяв на правах ведущего слово, он еще раз подчеркнул первенство Ленина, отметив, что именно он распределял роли: «[Все,] что сделал Троцкий, было predetermined Владимиром Ильичом. Как на арфе играл В[ладимир] И[льич]»³⁹. Далее несколько развив свою мысль, он быстро перешел на другую тему и, по сути, свернул неудобную дискуссию⁴⁰. В другом случае, говоря о красноречии трибуна революции, он ловко сумел представить это важное качество в комическом свете: «А вы знаете, что если он (Л. Д. Троцкий. — Р. С., А. С.) влезет на коня вдохновения, то он распушит хвост и гриву»⁴¹. Такое замечание, судя по стенограмме, вызвало смех среди присутствующих⁴².

Таким образом, изъятие из ленты кусков с Л. Д. Троцким, о чем много позже вспоминал Г. В. Александров, отчасти было обусловлено разгоревшимися среди участников октябрьского восстания спорами. Впрочем, подчеркнем и то, что имя И. В. Сталина, по требованию которого С. М. Эйзенштейн вырезал «трибуна революции» из своей картины, на встречах участников революционных событий не звучало вовсе.

Возражения у ряда участников дискуссии вызвало слишком большое, по мнению некоторых, внимание к крейсеру «Аврора» и легендарному холостому выстрелу. Впрочем, как становится ясно из документов, сама легенда тогда только зарождалась, и сценарий будущей картины этому способствовал. Многие были не согласны с такой трактовкой: «Нужно развенчать “Аврору”, что ей незаконно приписано, — восклицал И. Н. Колбин⁴³, — Я вам говорил, что “Аврору” притянули за узды к Николаевскому мосту»⁴⁴. Далее он подробно пояснил свою мысль, указав, что роль выстрела пушки из Петропавловской крепости и других кораблей Балтийского флота — «Зари свободы» и «Амура» — была значительно большей. Относительно экипажа революционного крейсера еще более категоричным оказалось заявление Софронова⁴⁵: «Мы их как раков тащили, а вы, между прочим, носите с ними, как курица с яйцом»⁴⁶. Примерно в том же духе высказался и Пронин⁴⁷: «“Авроре” не следует уделять много внимания. Гораздо больше внимания следует уделить таким кораблям, как “Самсон”, “Забияка” и “Амур”»⁴⁸. Отметим, что в фильме все же были представлены и выстрелы с Петропавловки, и моряки с надписью «Амур» на ленте бескозырки, но это вовсе не перечеркнуло главного — рождения все той же легенды о залпе «Авроры», известившем о начале какой-то новой эпохи. Съемки выстрела «Авроры» (как и кадры штурма Зимнего) довольно быстро обрели «документальную» форму, а все остальное (даже поданный с Петропавловской крепости сигнал) послужили для С. М. Эйзенштейна лишь красивым обрамлением этой теперь уже окончательно утвердившейся легенды.

На собраниях, посвященных обсуждению сценария, прозвучало еще одно несколько специфическое замечание. По мнению выступающих, в картине

недостаточно показана роль непосредственно в октябрьских событиях женщин-революционерок. На это указывала Арбузова, с ней соглашались Подвойский, Сафронов⁴⁹ и др. Возможно, данное обстоятельство в какой-то степени было вызвано неосознанным желанием сделать некое противопоставление женскому батальону, защищавшему Временное правительство.

Участники революционных событий могли изложить свой взгляд на них и письменно, что было особенно актуально для тех, кто хотел непосредственно повлиять на сценарий, отстоять собственную точку зрения на будущий фильм. Именно такие письма, написанные Казимиром Антоновичем Василевским, сохранились в фонде Института истории партии. Аналогичные послания от других лиц пока обнаружить не удалось. К. А. Василевский 25 октября 1917 г. руководил одним из отрядов, захвативших Зимний дворец и непосредственно участвовавших в аресте и конвоировании членов Временного правительства. Поскольку, с одной стороны, объем журнальной статьи не позволяет привести результаты анализа всего комплекса воспоминаний о 1917 г., собранных в связи со съемками кинофильма С. М. Эйзенштейна «Октябрь», а с другой — именно К. А. Василевский наиболее последовательно отстаивал необходимость учета высказанных им пожеланий, в качестве отправной точки обратимся к рассмотрению его версии коллизий, связанных со штурмом Зимнего дворца.

Жизненный путь К. А. Василевского, о котором подробно узнаем из составленной им 1 октября 1933 г. автобиографии⁵⁰, а также из четырех сохранившихся учетных карточек и личной регистрационной карточки члена РКП (б)⁵¹, достаточно стандартен для рядового революционера. Он родился в 1887 г., по национальности литовец из местечка Сурвилишки (Ковенская губ., одноименный уезд, Сурвилишская волость). Отец — крестьянин, был в 1863 г. выслан из Польши в Литву за участие в восстании 1863–1864 гг. Как и положено в крестьянской семье, сам К. А. Василевский начал работу в хозяйстве отца с раннего детства — с восьми лет. В 1900 г. он перебрался в город и устроился в Риге на металлический завод «Этна». В 1905–1907 гг. служил в армии. Проходил обучение на военно-командирских пехотных курсах при Виленском юнкерском училище. Затем, после сдачи гимназических экзаменов, окончил Механический строительный техникум. Параллельно происходило его революционное становление. К большевикам он примкнул еще в марте 1904 г., впоследствии подвергался арестам за принадлежность к РСДРП (б). С началом Первой мировой войны был призван в армию (1915) и дослужился до чина штабс-капитана. Принимал участие в Февральских событиях, о его роли в Октябрьском перевороте уже было сказано выше, подчеркнем лишь, что сведения из автобиографии К. А. Василевского полностью подтверждаются его партийными учетными карточками⁵². Вот что сказано по этому поводу в одной из них (графа «краткие сведения о революционной деятельности»): «...был начальником отряда и штаба рев[олюционных] войск, атаковав войска Врем[енного] правительства, защищ[авшие] наход[ящееся] Врем[енное] правительство в Зимнем дворце. Первый со своим отряд[ом], одолев Вр[еменного] пр[авительства] войска, взял приступом Зимн[ий] дворец и арестов[ал] Врем[енное] правит[ельство] во главе с министром Терещенко и друг[ими]

и, препров[одив], сдал в Петропав[ловскую] крепость⁵³. Впоследствии он принимал участие в боях Гражданской войны, в 1919 г. при взрыве получил множественные ранения и контузию. В 1920-х гг. он находился на службе в советских учреждениях, в 1930 г. перенес инсульт и получил статус персонального пенсионера. Сведения из биографии вполне логично для той эпохи дополняет информация «Ленинградского мартиролога», согласно которому К. А. Василевский, как и многие другие старые большевики, попал под репрессии ежовского периода и был расстрелян⁵⁴.

К. А. Василевский принял участие в заседании 10 апреля 1927 г., на котором, как уже говорилось выше, Г. А. Александров зачитал сценарий будущего кинофильма «Октябрь». Выступление К. А. Василевского было не очень кратким и весьма эмоциональным. Главной темой была роль его отряда в захвате Зимнего дворца. Основная деталь, на которой он сосредоточил внимание, — проникновение внутрь здания с Миллионной улицы, а не из-под Арки Главного штаба, как главный фактор успеха атакующих. Из контекста выступления можно понять, что такая тактика была результатом его личной инициативы. Однако слова Василевского буквально затерялись в выступлениях других участников, затрагивавших более значимые темы, например роль В. И. Ленина в подготовке Октября.

Тем не менее, как было сказано выше, позже К. А. Василевский обратился в Истпарт с письмами, в которых конкретизировал и свои воспоминания, и требования к изменению сценария. Содержащиеся в деле⁵⁵ бумаги представляют собой машинописные воспоминания К. А. Василевского, относящиеся непосредственно к 25 октября, которые, как представлялось их автору, следовало отразить в кинокартине С. М. Эйзенштейна. Письма написаны явно малограмотным, но очень эмоциональным человеком, который употреблял несуществующие в русском языке слова: «врыв» (от «врываться»), «укрыв» (от «укрывать»). А в обращении к режиссеру перепутана первая буква его фамилии — «Е», вместо «Э». Однако в таком примитивном стиле изложения кроется и главная ценность — можно быть уверенным в том, что текст не редактировался, а потому содержащиеся в нем данные имеют аутентичный характер: события описаны так, как это посчитал нужным сделать автор.

Первый документ — письмо К. А. Василевского в Истпарт и в съемочную группу кинофильма «Октябрь» от 29 мая 1927 г. Из содержания письма следует, что написано оно по просьбе Н. И. Подвойского. Пожалуй, наиболее примечательными моментами в письме являются описание конвоирования арестованных министров до Петропавловской крепости и повествование о происшествии на Троицком мосту⁵⁶ (случайные выстрелы и паническое бегство тех, кто сопровождал конвой, требуя немедленной расправы над арестованными). Кроме того, К. А. Василевский прямо признает малое количество жертв во время «штурма», поскольку, по его словам, после небольших стычек у Адмиралтейской набережной и в штабе Петроградского гарнизона на Дворцовой площади «удалось даже и без выстрелов ворваться и овладеть всем Зимним дворцом». Последний лист письма содержит подпись С. М. Эйзенштейна с указанием: «экземпляр получен»⁵⁷.

Второй документ — письмо К. А. Василевского от 31 мая 1927 г., адресатом которого была «съемочная комиссия кинофильма “Октябрь”». В нем приводятся уточнения к предыдущему посланию, причем даются ссылки на конкретные пункты последнего. Не пересказывая письмо, обратим внимание на повторное сообщение о казусе во время сопровождения арестованных министров: «Эпизод этот внесен мною в целях точности изображения исторического момента»⁵⁸.

Впрочем, и для съемочной группы в целом, и для самого С. М. Эйзенштейна все собранные материалы (разумеется, и письма К. А. Василевского) имели лишь вспомогательное значение, позволяли определить общую канву повествования. Он как художник сам «творил» историю. К тому же в конце мая 1927 г. съемки на натуре возле Эрмитажа и непосредственно в его интерьерах уже шли полным ходом, в том числе шла работа над сценами боев: буквально накануне первого из писем (28 мая 1927 г.) неудачно произведенный выстрел из окна третьего этажа Зимнего привел к тому, что в здании дворца были одновременно разбиты 123 стекла. У группы С. М. Эйзенштейна уже имелся четкий план работы, отступить от которого они все равно не стали бы. Однако это вызывало неудовольствие у тех участников событий, которые были приглашены к практической реконструкции событий на Дворцовой площади, о чем свидетельствует третий документ рассматриваемого архивного дела — письмо группы участников штурма Зимнего дворца. Они выражали негодование по поводу того, что высказанные К. А. Василевским пожелания не были приняты во внимание. Важность данного текста заключается в том, что подписавшие его лица фактически удостоверили точность сведений, которые были приведены у К. А. Василевского ранее.

Помимо указанных материалов, в деле содержатся автобиографии разных лет самого К. А. Василевского. Одну из них, датированную декабрем 1924 г. и содержащую краткие воспоминания об октябрьских днях 1917 г., имеет смысл процитировать дополнительно, поскольку в ней речь идет об уже упомянутом казусе на Троицком мосту. На сей раз в тексте имеется указание на конкретную фамилию одного из министров, на крайне жестокое обращение с ним и ярко характеризует его конвойных: «Команда “ложись”, при чем министр Терещенко был положен поперек моста и служил баррикадой, так как был очень высокий и толстый, который впоследствии возражал, называя нас жалкими, что мы спрятались за него и бросились наутечь»⁵⁹.

Впрочем, для С. М. Эйзенштейна такие подробности были излишними: он вплотную был занят созданием кинофильма, призванного сформировать «иллюзию документальности». Но творили эту иллюзию не только члены съемочной группы — в юбилейном альбоме «Великий Октябрь» кадры из фильма были сверстаны вместе с фотографиями участников революционных событий и групповыми снимками, которые делались на каждом совещании⁶⁰. А 26 июня 1927 г. в журнале «Огонек» вышла статья, сообщавшая некоторые подробности съемок. В ней были даны в качестве иллюстраций отдельные кадры будущей ленты, там же приводились и любопытные факты, например о заходе в акваторию Невы «Авроры» для того, чтобы воспроизвести на экране ее

«исторический пушечный выстрел». Что касается исторической достоверности картины, то ее должно было подтвердить приведенное там же указание на состоявшиеся вечера воспоминаний участников вооруженного восстания⁶¹. В целом это позволяет определить и главную задачу, которая ставилась при проведении обсуждения сценария участниками событий 1917 г.: созванные для этого собрания должны были не только дать необходимую для съемочной группы информацию (как было указано выше, ее вообще в наибольшей степени интересовали бытовые подробности), но и легитимизировать предложенную С. М. Эйзенштейном реконструкцию Октябрьской революции. Результаты начали сказываться достаточно скоро: на обложке журнала «Огонек» за 16 октября 1927 г. во весь лист размещен эпизод из фильма, посвященный открытию II съезда Советов⁶². В том же «Огоньке» за 23 октября 1927 г. на одной странице, посвященной заседанию ЦК РСДРП (б) 10 (23) октября 1917 г., принявшему решение о вооруженном восстании, под общим названием «Историческое заседание» была размещена фотография реального дома, где проходило заседание (наб. р. Карповки, 32) и кадр из кинофильма «Октябрь», представляющий сцену самого заседания. При этом соответствующие пояснения были даны мелким шрифтом внизу страницы⁶³. Через месяц в «Огоньке» за 6 ноября была помещена статья А. В. Луначарского «Наша интеллигенция за десять лет», также проиллюстрированная кадром из фильма с очень несимпатичным меньшевиком, от которого тянет «интеллигентским душком»⁶⁴. И такие примеры будут множиться год от года, только со временем упоминание, что в печати или на экране представлены кадры из фильма, а не реальная съемка, будут исчезать.

История была «снята», а «иллюзия документальности» сформирована...

¹ См. об этом: *Старцев В. И.* Штурм Зимнего. Л., 1987.

² *Эйзенштейн С. М.* Мемуары: в 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 140.

³ *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти. М., 2007. С. 390, примеч. 317.

⁴ См., напр. *Забродин В. В.* Эйзенштейн. Кино. Власть. Женщины. М., 2011. С. 184–185.

⁵ *Александров Г. В.* Эпоха и кино. 2-е изд., доп. М., 1983. С. 117.

⁶ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 1923. Оп. 1. Д. 462. Стенограмма совещания при информационно-методическом отделе киностудии «Мосфильм» по обсуждению сценария П. А. Павленко и С. М. Эйзенштейна «Русь». Приложена запись С. М. Эйзенштейна высказываний участников совещания.

⁷ Там же. Д. 460. Отзывы на сценарий «Русь».

⁸ *Александров Г. В.* Эпоха и кино. С. 99.

⁹ Там же. С. 100.

¹⁰ Истпарт — сокращенное название Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии. Комиссия была образована при Наркомпросе РСФСР осенью 1920 г.

¹¹ Летопись жизни и творчества С. М. Эйзенштейна // Избранные произведения С. М. Эйзенштейна: в 6 т. М., 1964. Т. 1. С. 578–579.

¹² Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 461. Оп. 1. Д. 161. Л. 9.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Термин «Октябрьское восстание» (еще чаще — «Октябрьский переворот») многократно будет применяться в качестве определения событий октября 1917 г. Термин «Октябрьская революция» еще очень редок.

¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 61. Л. 44.

¹⁷ 12 и 28 марта, 9 апреля (в этот день проходили сразу два собрания), 10 апреля и 7 мая.

¹⁸ Точные цифры участников не всегда можно установить. Сохранились списки участников встречи за 12 марта и 7 мая, где присутствовало 21 и 24 участника соответственно (ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 161. Л. 10–10 об; 20–20 об). 9 апреля на заседании в Военно-морской академии, по косвенным сведениям (словам Подвойского), присутствовало около 60 чел. На чтении сценария, также по косвенным сведениям, — от 30 до 100 чел.

¹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 63. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 27.

²¹ Александров Г. В. Эпоха и кино. С. 107.

²² ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 6. Л. 7.

²³ Там же. Д. 61. Л. 14–16.

²⁴ В тексте стенограмм заседаний не всегда указываются имена и отчества участников собраний. Часть персонажей удалось раскрыть по частично сохранившимся спискам участников.

²⁵ Феоктистов Арсений, кличка «Полкан», в 1917 г. служил в Павловском полку, в октябрьские дни патрулировал Невский проспект как красногвардеец и участвовал в захвате штаба Петроградского военного округа. В Павловские казармы на Марсовом поле были перемещены ударницы из женского батальона.

²⁶ Там же. Л. 21

²⁷ Балашев Георгий, в октябре 1917 г. красногвардеец завода Нобеля, участник штурма Зимнего дворца.

²⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 6. Л. 23

²⁹ Энтин Соломон Львович (1892–1947), член РСДРП (б) с 1911 г., в 1917 г. — редактор газет «Пролетарское дело» и «Кронштадтских известий», участник Гражданской войны на Юге России, в 1927 г. сотрудничал с «Красной газетой» затем преподаватель в различных вузах Ленинграда, позднее редактор издательств Академии наук и «Искусство». Арестован в 1940 г., осужден на 8 лет, умер во Владимирской тюрьме в 1947 г.

³⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 63. Л. 41.

³¹ Там же. Л. 38.

³² Арбузова, в 1917 г. — работница Трубочного завода на Васильевском острове, слушала речь В. И. Ленина на этом заводе 17 мая 1917 г., делегатка первой конференции работниц, участница демонстрации 3 июля.

³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 63. Л. 28.

³⁴ Там же. Л. 32–33.

³⁵ Куделли Прасковья Францевна (1859–1944), окончила Высшие женские курсы, в революционном движении с 1878 г., член РСДРП с 1903 г., участница революции 1905 г., в 1912 г. сотрудница газеты «Правда», участница Октябрьского переворота. С 1922 г. — заведующая петроградским Истпарком, редактор журнала «Красная летопись». В 1927 г. возглавила работу по организации вечеров встреч участников революционных событий 1917 г.

³⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 63. Л. 34.

³⁷ Асмус Николай Николаевич (1885–1936), в 1917 г. выбран от солдат-фронтовиков делегатом I Всероссийского съезда Советов, в октябре — комиссар Петроградского ВРК в Семеновском запасном полку, участник штурма Зимнего дворца. После революции работал в советской контрразведке, участник Гражданской войны.

³⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 63. Л. 44.

³⁹ Там же. Л. 45.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Д. 6. Л. 2.

⁴² Там же.

⁴³ Колбин Иван Николаевич (1893–1952), рабочий, в годы Первой мировой войны был призван на службу в Балтийский флот, 24 октября 1917 г. исполком Кронштадтского совета назначил И. Н. Колбина комиссаром линейного корабля «Заря свободы», который вместе с минным заградителем «Амур» должен был идти в Петроград на помощь революционным войскам. И. Н. Колбин участвовал вместе с отрядами матросов в штурме Зимнего дворца и аресте Временного правительства. После революции служил на командных должностях во флоте, закончил Военно-морскую академию, в которой преподавал в конце жизни.

⁴⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 63. Л. 30.

⁴⁵ Софронов Сергей Васильевич, в 1917 г. комиссар 2-го Балтийского флотского экипажа, делегат 2-го съезда советов.

⁴⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 63. Л. 46.

⁴⁷ Пронин Алексей Григорьевич, в 1917 г. руководил выступлением Кронштадтского гарнизона.

⁴⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 63. Л. 31.

⁴⁹ Там же. Л. 29, 37, 46.

⁵⁰ Там же. Оп. 5. Д. 2086. Л. 12–16.

⁵¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 9087. Оп. 1–1. Д. 70. Л. 474–476, 477–484; Ф. 9088. Оп. 1. Д. 484. Л. 68–69б.

⁵² Там же. Ф. 9087. Оп. 1–1. Д. 70. Л. 478, 480.

⁵³ Там же. Л. 484. — Пунктуация в источнике отсутствует.

⁵⁴ Запись о К. А. Василевском занесена в восьмой том «Ленинградского мартиролога»: Возвращенные имена. URL: <http://visz.nlr.ru/person/10> (дата обращения: 01.09.2018).

⁵⁵ «Василевский Казимир Антонович. Письмо в институт истории партии и съемочной группе кинофильма «Октябрь» с уточнением фактов штурма Зимнего дворца в 1917 г. и автобиографии. 27–31 мая 1927 г.» // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2086. Л. 1–21.

⁵⁶ См. также: *Старцев В. И.* Штурм Зимнего. С. 122.

⁵⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2086. Л. 3, 5.

⁵⁸ Там же. Л. 6.

⁵⁹ Там же. Л. 19 об.

⁶⁰ Великий Октябрь: активные участники и организации: альбом / под ред. П. Ф. Куделли и П. И. Кулябко. М.; Л., 1927. Табл. 32–40.

⁶¹ *И. Р.* «Октябрь» в кино // Огонек. 1927. 26 июня. № 26 (222). С. 8–9.

⁶² Огонек. 1927. 16 окт. № 42 (238). Обложка.

⁶³ [Б. а.] Историческое заседание // Огонек. 1927. 23 окт. № 43 (239). С. 4.

⁶⁴ *Луначарский Л. В.* Наша интеллигенция за десять лет // Огонек. 1927. 6 нояб. № 45 (241). С. 15.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2018 г.

Рекомендована в печать 18 февраля 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Соколов Р. А., Сухорукова А. С. Воспоминания участников событий 1917 г. как документальная основа кинофильма С. М. Эйзенштейна «Октябрь» // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 501–514. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.212>
УДК 94(47).084.(2+5)

Аннотация. Кинофильм «Октябрь», съемки которого шли в 1927 г., должен был представить каноническую версию событий, связанных с победой большевиков. В значительной степени это означало создание «иллюзии документальности» (выражение Г. В. Александрова). Параллельно с работой над картиной в Ленинграде по инициативе Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии (Истпарта) были организованы собрания участников вооруженного восстания 25 октября. Архивные документы (стенограммы) свидетельствуют,

что значимость этих собраний для кинематографистов заключалась в поиске бытовых подробностей, в то время как выступавшие на них ораторы излагали собственные воспоминания о тех днях и даже пытались влиять на формирование сценария. В этих выступлениях, в частности, отражена вступившая в то время в завершающую стадию борьба с влиянием Л. Д. Троцкого, в качестве противопоставления которому как важнейшему организатору Октябрьского переворота выдвигалась фигура В. И. Ленина. Участники собраний призывали не преувеличивать роль «Авроры» и ее залпа. В дополнение к этому один из участников собраний — К. А. Василевский — направил в Истпарт и в адрес съемочной группы несколько писем, в которых настаивал на внесении изменений в сценарий. Этот документ, по сути, представляет собой изложенные на бумаге воспоминания человека, непосредственно руководившего одним из отрядов, задействованных в штурме Зимнего, аресте и последующем конвоировании членов Временного правительства в Петропавловскую крепость. Информация об организованных встречах, обсуждении участниками революции сценария публиковалась в печати. Это формировало большее доверие к исторической достоверности будущей картины. Кадры из нее уже в 1927 г. использовались, например, в популярном журнале «Огонек» — сначала с пояснением об их происхождении, а затем и без него, т. е. фактически в качестве «документальных».

Ключевые слова: Октябрьская революция, штурм Зимнего дворца, С. М. Эйзенштейн, фильмография.

Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта № 17-18-01168 «Модификации социально-политического учения Библии в истории и религиозные основания политико-правовой мысли Российской империи».

Сведения об авторе: Соколов Р. А. — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); r.sokolov@spbu.ru | Сухорукова А. С. — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); a.suhorukova@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Sokolov R. A., Sukhorukova A. S. 'Recollections of Participants of the Events of 1917 as the Documentary Basis for Sergei Eisenstein's "October"', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 2, 2019, pp. 501–514. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.212>

Abstract: The film "October" was supposed to present a canonical version of events connected to the victory of the Bolsheviks. To a large extent, this meant creating a "documentary illusion." In parallel with work on the film, meetings of participants of the armed uprising were organized on October 25 at the initiative of Istpart (Institute on the History of the Party). Archival documents indicate that the main goal of those meetings for filmmakers was to find everyday details, while speakers were setting forth their own memories of those days and were even trying to influence the formation of the script. These speeches reflected the struggle (which entered the final stage at that time) against the influence of L. D. Trotsky, in opposition to whom the figure of Lenin was put forward as the most important organizer of the October Revolution. Meeting participants were urged not to exaggerate the role of the *Aurora*. In addition, one of the meeting participants, K. A. Vasilevskii, sent several letters to Istpart and the film crew, in which he insisted on making changes to the script. This document is essentially a paper-based recollection of the person who directly led one of the units involved in the storming of the Winter Palace and the arrest and subsequent convoy of members of Provisional Government to the Peter and Paul Fortress. Information about the organized meetings with participants of the Revolution about the script was published in the press. This formed greater confidence in the historical credibility of the future film.

Keywords: October Revolution, 1917, S. M. Eisenstein, "October", storming of the Winter Palace.

This research was supported by "Russian Science Foundation", project no. 17-18-01168 "Historical modifications of the biblical socio-political doctrine and religious fundamentals of the political and legal thinking in Russian Empire".

Authors: Sokolov R. A. — Dr. Sci. of History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg); r.sokolov@spbu.ru | Sukhorukova A. S. — PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg); a.sukhorukova@spbu.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

Aleksandrov G. V. *Epokha i kino*, 2nd ed. (Moscow, 1983).

Eizenshtein S. M. *Memuary*, vol. 1 (Moscow, 1997).

Izbrannye proizvedeniia S. M. Eizenshteina, in 6 vols. (Moscow, 1964).

Shenk F. B. *Aleksandr Nevskii v russkoi kul'turnoi pamiati* (Moscow, 2007).

Startsev V. I. *Shturm Zimnego* (Leningrad, 1987).

Velikii Oktiabr': aktivnye uchastniki i organizatsii: al'bom, eds P. F. Kudelli, P. I. Kuliabko (Moscow — Leningrad, 1927).

Zabrodin V. V. *Eizenshtein. Kino. Vlast'. Zhenshchiny* (Moscow, 2011).

Received: September 12, 2018

Accepted: February 18, 2019